

Анубис едет в отпуск

Он ждёт и ждёт. А их всё нет и нет.

Он потирает лапки и зевает.

И время, у порога в кабинет

жужжавшее так зло, заболевает –
завравшись и зарвавшись – застывает
безмозглой мухой, влипшей в аллингит.

Анубис дремлет. Наконец, шаги –
нетвёрдые. И робкий стук. И скрип
тяжёлой двери. «Здравствуйте, голубчик.
Входите» – зверь листает манускрипт.

А посетитель, немощный старик,
бледнеет, разглядев его получше –
сидит шакал, чудовище, посредник
страны загробной, мук на много лет.
И жалкий, грязный, тощий как скелет,
старик тоскливо шепчет:
«Я – последний».

На радостях шакал вильнёт хвостом –
«Дописан каталог – вся желчь и сплетни,
людские дрязги, вой тысячелетний...
Какой, однако, препротивный том –
подробная и тщательная опись.

...А вам, голубчик, в третий каземат,
там ждёт вас белозубая АMAT».

Закроет опус.

И уедет в отпуск

на опустевший Крит – гонять котов,

искать волчицу на руинах Рима...

В наряде из несорванных цветов

земля прекрасна и необозрима.

Ни войн, ни смут, ни жертвенных костров.

До новых рас. До новых катастроф.

О нас

В порыве, в огне и в пылу безотчётно сметая

налаженный быт, превратив его в жаркую небыль,

взорвётся накопленной страстью вулкан Кракатау

и ринется в небо.

Под рокот и грохот, в горячке искрясь от каленья,

он рад как ребёнок свободе от уз и уступов.

И долго ещё будут волны голубить колени

обугленных трупов.

А после – уляжется буря, и, дни коротая,

спокойное море разнежится, пепел размочит.

Но жадно потянется к небу Дитя Кракатау.

Пока ещё – молча.

Разрыв. Фигурка схватится за бок –

живой лубок.

Час новостей. Адреналин. Игра.

Ты щёлкнешь кнопкой – и конец. Нет ран,

потери, смерти, зла... Застынет крик.

Ты – в капсуле. В скафандре. Ты – внутри.

Замри.

Замри. Ни с места. Стой, нельзя наружу –
за рамки, за обложку, из себя –
к соседям, соплеменникам, со-душам –
задушат.

Ты – мишень. Рога трубят.
Охота. Крестный ход на бордаж,
на брата, на врага, на тот этаж,
где нагло распускаются герани –
цвет мяса в ране.

Где ты уже – игрушка на экране.
Ты раб. Под рьяный рёв других рабов
на солнечной арене Колизея
ты умираешь. Крик – и мы глазеем
на красное на острие зубов.

Агония. И гонка – мчатся снимки
в Facebook, диктует Сапон свой канон:
у трупа, у меча, со львом в обнимку.
И лают «лайки»: кадры – как в кино,

где даже смерть кошмарная – прекрасна,
где люди растворяются на красном –
заката, крови. Жажда на губах –
адреналина! – зрелищ, твиттов, хлеба,
убойных кадров: нас на фоне неба –
красивых,
молодых,
в гробах.

Край

Край света. Свято ты веришь в это – кругом раздрай,
грубит народец, погрязший в дрязгах, сварливей Грай.

Но даже если ты вдруг пролез бы в цветущий рай,
где чужды лица – хоть рой землицу, хоть помирай –

недолго спиться, упасть на спицу в таком раю.
Край света. Свита твоя верёвка. Ты – на краю.

А в центре мира – тепло камина, огонь свечи,
живёшь без грима, и беды – мимо, и кот мурчит.

Там – *рук сплетенье*, там свет и тени живут в ладу.
Край света – это где нас не любят. Где нас не ждут.

Ледящийся дождь, воев ветер, и град искрится.
Мой сынок продрог. Лихорадка. Дрожат ладони.
Потерпи, малыш, в новой жизни я стану принцем –
и мы будем жить в золотистом уютном доме.

Не помогут крики, молитвы, мечты о мести.
Ты проходишь мимо, не смея коснуться взглядом.
Потерпи, родная, в той жизни мы будем вместе –
ты уснёшь счастливой – и я прошепчу: «Я рядом».

Я седой до срока. По жизни – как по осколкам.
Этот мир продрог. И протухла его основа.
Я сжимаю зубы. В той жизни я стану волком.
И меня застрелят. И всё повторится снова.

Отраженье гор на воде – впритык
к отраженью туч. Ухожу за край.
Погоди. Остаться бы. Я привык
говорить себе: «Поиграй».

Ты играй, не бойся, что будет час,
ледящийся миг на краю зари –
незнакомый голос прошепчет: «Раз...»
Ближе: «Два»... И потом –
«Замри».

Я замру. Надолго. На сотни лет.
Покачнётся небо, прольёт кагор.
Остаются – вечность. Мой хрупкий след.
Отраженье туч. Отраженье гор.

Память

Море гневом с утра перекошено,
бьётся лбом о забытый маяк.
Просыпается прошлое – крошево,
зверь закованный, пытка моя.
Он, тиранивший тихие пажити,
скован, пойман – в неволе скулит.
Охраняют периметры памяти
патрули, патрули, патрули.
Море стихло. Торосы смерзаются.
Безмятежен сверкающий снег.

Мой закованный зверь огрызается
и рычит. И готовит побег.

Я+Н+Т

Среди чумного мира – злого, рваного,
пропитанного ядом до корней,
есть свет – на кухне, в городе Иваново,
где спит собака, чавкая во сне.

Здесь – тихий дом, где панацея найдена,
где хлеб душист, а истины просты,
где так и тянет спеть «Ах Надя-Наденька»
под хлопоты хозяйки у плиты.

Так мало в нас тепла обетованного.
Но выход есть – надёжный и простой:
и снова собираюсь я в Иваново –
за светом, за теплом, за добротой.